БОРДЕРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РОМАНЕ М. ЕЛИЗАРОВА «ЗЕМЛЯ»

© Ольга Щеголькова

BORDER TRENDS IN M. ELIZAROV'S NOVEL "EARTH"

Olga Shchegolkova

The article studies the works of modern Russian literature. Mikhail Elizarov's novel "Earth" develops the theme of thanatological ideas about the world. The purpose of the article is to consider border trends at different levels of the work (the level of the plot, the system of characters, the types of characters and the ways of their construction, and ideological and thematic levels). The relevance of the study is due to the fact that, so far, the border phenomena have not been studied in the structure of the multi-semantic novel "Earth". For the first time, the article has examined the plot of the novel as the plot of the trials of the protagonist who comes into contact with Thanatos and comprehends the meaning of death. The term "border" is a loan translation from English meaning "a boundary". As N. T. Rymar notes in "Poetics of the Border in Literature" (2016), "the border may interest us as a difference, as a phenomenon of exclusion or inclusion; as a frame, threshold or transition, as a limitation"; "borders are also thought of as social boundaries, boundaries of cultures, languages; boundaries in the mental domain". Finally, the conception of border is used to analyze the phenomena of transgression, "a boundary situation", "a border experience". The category of "border" in Elizarov's novel determines the form of the diegetic narrator and actualizes the "last" questions in the reader's mind, modifying the work as a philosophical narrative.

Keywords: Elizarov, border trends, diegetic narrator, plot of trials

Автор статьи обращается к исследованию произведения современной русской литературы. Роман Михаила Елизарова «Земля» развивает тему танатологических представлений о мире. Целью статьи является рассмотрение бордерных тенденций на разных уровнях произведения (уровне сюжета, системы персонажей, типов героев и способов их построения, идейно-тематическом). Актуальность исследования обусловлена тем, что еще не затрагивались бордерные явления в структуре многосмыслового романа «Земля». Впервые в статье рассматривается сюжет романа как сюжет испытаний главного героя, соприкасающегося с танатосом и постигающего смысл смерти. Термин «бордерное» является калькой с английского и значит «граница». Как отмечал Н. Т. Рымарь в «Поэтике границы в литературе» (2016), «граница может интересовать нас как различие, как феномен исключения или, включения; как рама, порог или переход, как ограничение»; «границы мыслятся также как социальные границы, границы культур, языков; границы в ментальной области». Наконец, понятие границы используется при анализе феноменов трансгрессии, «пограничной ситуации», «опыта границы». Категория «бордерного» в романе Елизарова определяет форму диегетического нарратора и актуализирует в сознании читателя «последние» вопросы, придавая произведению модификацию философского повествования.

Ключевые слова: Елизаров, бордерные тенденции, диегетический нарратор, сюжет испытания

Роман «Земля», который Михаил Елизаров писал около 6 лет, с момента появления получил высокие оценки критиков. Например, К. Мильчин назвал его «лучшей книгой на русском языке за последнее время», а решение жюри премии «Большая книга» о присуждении роману шестого места «настоящей катастрофой» и «преступлением против литературы» [1]. А. Аствацатуров отметил, что «роман превосходный, и Елизаров очередной раз подтвердил свою репутацию мастера прозы» [2]. Кроме того, произведение сразу

завоевало признание читателей (первое место по результатам читательского голосования на «Большой книге-2020») и к настоящему времени успело получить некоторое научное осмысление.

В поле внимания исследователей попало жанровое своеобразие произведения, совмещающего признаки романа воспитания, производственного романа, философского, романа-предчувствия, романа-биографии, любовного, точнее любовно-мистического, и романа-симфонии, а также комплекс статических и ди-

намических мотивов, образующих сюжет, идейно-художественные особенности и структура личности персонажа в аспекте символического мышления и др.

Вместе с тем пока не рассмотрены бордерные явления в романе, которые, на наш взгляд, охватывают все уровни художественного целого. Термин «бордерное», активно применяемый в литературоведческих работах последнего времени, происходит от английского «border», что значит «граница».

Н. Т. Рымарь, рассуждая о различных аспектах проблемы границы, замечает, что данный термин раскрывается при помощи ряда понятий в зависимости от того, какие аспекты категории и ее функции интересуют исследователя.

«Так, граница может интересовать нас как различие, как то, что выражает природу объекта, как особое место, в котором что-то обнаруживается, как феномен исключения или, напротив, включения чего-то; как рама, порог или переход, как предел, лимит, ограничение; она может рассматриваться как линия или пространство, как временные, исторические границы, границы различных пространств – моря или суши, географических зон, государств; границы мыслятся также как социальные границы, границы культур, языков; границы в ментальной области – границы понятия, теории, языка, разума, текста, художественного произведения, жанра. Наконец, понятие границы используется при анализе феноменов трансгрессии, «пограничной ситуации», «опыта границы», речь может идти о границах добра и зла, границах приличия и т. д. и т. п.» [3, с. 14].

Как видно из приведенного выше суждения, понятие «границы» охватывает довольно широкий круг явлений, но, когда прибегают к термину «бордер», чаще всего имеют в виду сферу ментальности и культуры (пограничные зоны, состояния, сознания, миры).

Бордерное в романе М. Елизарова «Земля» проявляется уже на уровне сюжета. Он выстраивается как сюжет испытаний, когда каждое событие в жизни главного героя Владимира Кротышева оказывается преодолением неких препятствий или пересечением границ. Собственно история жизни этого персонажа, составляющая основу сюжета, действительно, соответствует биографическому роману (или даже романа воспитания), то есть излагает биографию действующего лица с момента рождения. Однако перед нами не сами разворачивающиеся события, а воспоминания о них действующего лица, соответственно логика их отбора и освещения подчиняется свойствам (специфике) памяти, а кроме того, и определенной установке взрослого героя, уже вошедшего в круг касты (секты) «думающих

о смерти» и усматривающего в обстоятельствах жизни заранее заданную predeterminedность.

Выбор формы наррации от первого лица отнюдь не случаен, причем ее можно обозначить как «диегетический нарратор с нарраториальной точкой зрения», по выражению В. Шмида [4, с. 130]. Это предполагает не только определенную логику построения сюжета и субъективацию повествования, но при обращении к теме танатоса попытку «перехода границы». Особенностью мотивов, связанных с этой темой, является то, что состоявшаяся смерть (факт смерти) является границей, которая делает «внутреннюю» точку зрения невозможной, то есть всегда прекращается нарратив от лица умирающего героя [5, с. 24]. Поэтому выбор данной формы – это фиксация нарушения границы и стратегии повествования с позиции умирающего, что отчетливо заметно в самоидентификации диегетического нарратора. Например, характеризуя себя пятилетним, он замечает:

«Я был пятилетним недочеловечком, <...> в котором только вызревал будущий мыслящий труп» [6, с. 17].

Первая часть сюжета романа «Земля» описывает детские годы персонажа – от момента рождения до призыва в армию. И отправной точкой сюжетных испытаний становится служебный конфликт отца, в результате которого он потерял служебную квартиру, вынужден был с семьей покинуть г. Сулов и «нормальный, привычный» мир рушится. Кротышевы последовательно меняют Ленинград, Новгород, Москву, Белгород, Первомайское, местоположение, названное «один населенный пункт», и, наконец, останавливаются в Рыбнинске.

Герой, вспоминая об этом, замечает:

«Потом один за другим пошли новые города. Точно неведомый враг ополчился на нашу семью, и под его натиском мы отступали, как разбитая армия» [Там же, с. 10].

Характерно, что при этом речь идет не только о стечении жизненных обстоятельств, связанных с переменой мест из-за неуживчивости отца, но и фактически о начавшемся процессе распада семьи, то есть разрушении границ мира детства, дома. Пройдет одиннадцать лет, и родители мальчика разведутся, мать повторно выйдет замуж, и в его жизни появится отчим, а затем и сводный младший брат Потап. За этим разладом семейных обстоятельств скрывается не только отдельная частная история Кротышевых, но и девальвация категории «семья» как националь-

ной ценности – и это прослеживается как на уровне судеб родителей главного героя, так и его самого.

Собственно единственный идеал семьи в романе представлен четой старших Кротышевых – Верой и Леонидом, бабушкой и дедушкой главного героя по отцовской линии. Именно по отношению к ним и пространству, с ними связанному, упоминается слово «дом». Обстановка их квартиры в Рыбнинске, которую они впоследствии разменяют, чтобы семья сына (отца мальчика) жила отдельно, показывает историю рода – дореволюционный дом, витиеватый гипсовый узор лепнины на потолках, старые двустворчатые двери, похожий на музейную залу коридор, картины прадедушки на стенах [Там же, с. 20–21]. Как гармоничные показаны отношения старших Кротышевых, сами персонажи предстают как носители иной культуры:

«Я смотрел на деда и недоумевал, как у этого радостного, энергичного человека вырос такой невеселый сын – мой строгий и печальный отец. Они были будто два театральных слепка одного лица, изображающего то комедию, то драму. Дед любил пробежки по утрам, выписывал целый ворох прессы, пел, когда брился, и почти всегда знал ответы в передаче „Что? Где? Когда?“» [Там же, с. 20].

Столь же неординарной показана и его супруга, которую невестка, принадлежащая иной бытовой культуре, втихомолку именуется презрительно «дамочкой»:

«Бабушка Вера носила красивые платья: с кружевными воротниками, с пышными манжетами. По квартире ходила не в тапочках, а только в туфлях. Я не припомню такого случая, чтоб у нее хоть раз были растрепаны волосы» [Там же].

Из приведенных выше фрагментов заметно, что категория бордерного, помимо композиции сюжета, определяет систему персонажей, которые противопоставлены по принципу принадлежности к определенному типу культуры. И здесь целесообразно вспомнить мысль Ю. М. Лотмана о том, что любая культура с момента возникновения четко разграничивает мир на «внешнее» (их) пространство и на «внутреннее» (свое) [7, с. 175].

Любопытно, но деталь с ношением туфель, маркирующая персонажа (бабушку) как носителя определенного типа культуры, перекликается с первым сюжетным испытанием в жизни героя. В начале романа описан эпизод, как четырехлетний мальчуган, впервые попавший в детский сад, отвечая на вопросы воспитательницы, сразу видит свою инаковость и границу «чужого мира». При-

чем процесс «принятия» новичка в группу происходит согласно логике испытания, едва ли не по аналогии со вступлением на границу загробного мира в русской сказке:

«Меня обступили *чужие* дети. Воспитательница, точно наседка, откладывает квохчущие круглые слова: „Кто-о-о?.. Это-о-о?.. Тако-о-ой? Прише-о-ол?..“ Я, заранее обученный собственному имени-фамилии, отвечаю: „Во-о-ова Кро-о-отышев“. Слышится ехидный шепоток: „У него тапочки, как у бабушки...“ – я утыкаюсь взглядом в пол. Тело обдает жаром первого стыда. У меня именно такая – шаркающая, старушечья обувь» [6, с. 11].

Как видно из приведенного эпизода, категория бордерного здесь выступает в функции разделения, разграничения, при которой социальное пространство распадается на «свое» – привычное, понятное, организованное и «чужое» – враждебное, хаотическое. Далее «чужими» для ребенка будут и пища с несъедобными, с его точки зрения, разваренным луком и капустой, и распорядок дня с тихим – мертвым – часом.

В структуре сюжета как череде испытаний в жизни главного героя отчетливо выделяются периоды детства персонажа, армейской службы и профессионального становления в кладбищенском бизнесе. Отбор событий в каждой из этих частей сюжета подчинен логике осмысления своей биографии как predetermined заранее, поэтому в эпизодах подчеркнута соприкосновение со смертью и танатологическими атрибутами «будущей профессии».

В эпизоде с посещением детского сада – это игра в кладбище, к которой четырехлетнего героя приобщает девочка Лида-Лиза. Бледная девочка с тощими русыми косичками, избирает его для разыгрывания похоронного обряда – ритуального захоронения насекомых. Владимиру была поручена «копка» – и, много лет спустя, осмысляя свой жизненный путь, герой приходит к выводу, что его избрание на эту роль не было случайностью: оно определило дальнейшее предназначение. Собственно тема танатоса, центральная в романе, появляется уже с первых строк повествования и определяет, как было сказано, форму «диетического нарратора с нарраториальной точкой зрения», а кроме того, смерть понимается как универсальная категория, которая актуализирует в сознании читателя «последние смыслы», а для героя организует процесс постижения сути смерти и преодолением страха перед ней, который и составляет главное сюжетное событие в последней «профессиональной» части романа.

В следующей части сюжета, связанной с армейской службой персонажа, атрибутика смерти

обнаруживает себя в эпизоде копания могилы. Герой попадает в стройбат в бригаду землекопов, и ему поручают копать могилу. Параллельно Владимир Кротышев приобретает знания о кладбищенских ритуалах, с которыми его знакомят жители близлежащей деревни: объясняют, что нужно просить у мертвецов прощения, поскольку «своей работой мертвых будишь», сообщают фразу – оберег от мертвых: «Господи, оборони, спаси» [Там же, с. 43].

Во всех эпизодах в романе, в которых подчеркнуто соприкосновение со смертью и танатологическими атрибутами, бордерное проявляет себя как «пограничные зоны, которые являются прежде всего точками соприкосновения и встречи» [3, с. 31], при этом такие события не обнаруживают травмирующего опыта, в отличие от столкновения героя с социальными и культурными границами.

Следует отметить, что характерной реакцией центрального персонажа на травмирующий социальный опыт будет смирение, что коррелирует с фамилией Кротышев, которая в романе соотносена с двумя корнями – «крот» и «кротость». Первый корень станет кличкой героя в московской школе, причем будет поддержан и внешним портретом персонажа (близорукостью), и прямыми отсылками к сказке Андерсена «Дюймовочка» внутри текста и к пьесе Шекспира «Гамлет» в эпиграфе, уподобляющем работу могильщика кроту, и, разумеется, будет ассоциироваться с судьбоносным предназначением героя – землекопанием. Второй корень «кротость» – это самоидентификация персонажа, который считает, что его фамилия происходит не от «крота», а от «кротости» и соответствующим образом реагирует на внешние удары. Кроме того, родовую черту характера это качество закрепляет и фраза, сказанная братом Никитой на похоронах их деда: «Жил честно, умер кротко» [6, с. 55].

Заключительная часть сюжета рисует профессиональное становление героя в кладбищенском бизнесе, и, соответственно, она вся пронизана танатологической атрибутикой и одновременно показывает приобщение его к философскому осмыслению проблемы смерти. Вместе с тем эта часть романа связана с любовной коллизией, и она также оказывается испытанием для героя, процессом познания и витальных, и танатологических категорий. Возлюбленная Владимира Кротышева, «... несмотря на приземленность, на мат, которым она щедро разбавляет свою речь, вполне сродни сюрреалистической женщине. Она притягивает и отпугивает главного героя. Она одновременно и ребенок, и самка богомола, и философ, и ведьма, и жрица, и риту-

альная жертва. Но в итоге – ускользающая сущность, увертка. Через нее происходит приобщение героя к предчувствию тайны» [2].

Из характеристики Ацватурова очевидно, что Алина, возлюбленная главного героя, персонаж неординарный и принадлежащий к особому типу «бордерлайнеров».

По словам практикующего психолога О. Б. Самсоненковой, такие люди в современной психологии носят наименование «бордерлайнеры» (от англ. Border-line 'пограничный'), то есть обнаруживают так называемый «пограничный тип личности». Они отличаются постоянной сменой настроения и внезапными гневными всплесками, их поведение сложно поддается прогнозированию. При этом такие люди необыкновенно чувствительны и реагируют на любые эмоциональные раздражители. Сферы, в которых «бордерлайнеры» имеют проблемы, – это отношения с друзьями, семья, работа и т. д. О. Б. Самсоненкова объясняет это тем, что подобные люди неспособны идентифицировать и учитывать личностные «границы»: и свои собственные, и «границы» других людей. Главной направленностью их поведения становится саморазрушение, это может проявляться во внезапных тратах денег, увлечении алкоголем, страсти к татуировкам, неразборчивости в сексе и т. п., и как раз две последние доминанты внешних проявлений ярко характеризуют образ возлюбленной Владимира Кротышева. При этом для «бордерлайнеров» в равной степени проблематично и контролировать свои эмоции, и испытывать недостаток в них. Но главное, что люди с пограничным типом личности ощущают отсутствие в жизни основы, пустоту, которая делает жизнь для них труднопереносимой [8].

Данный персонаж не только организует любовную, причем согласно типу весьма непростую линию в романе. Показательно, например, что отношения главного героя с возлюбленной Алиной сексуально и эмоционально успешны, но она не хочет детей, являет собой эксцентричную особу, которая считает себя мертвой, и в ситуации предложения замужества смеется и демонстрирует свеженаколотую танатологическую татуировку, а в других случаях показывает ревность и желание быть рядом с избранником. Кроме того, она знакомит Владимира Кротышева с положениями теории Кьеркегора, Сведенборга, Шопенгауэра, гностическими и западными средневековыми воззрениями о смерти и является проводником его на пути постижения смысла смерти. При этом вопрос о смысле смерти не перестает у героев в вопрос о смысле жизни. По мысли Татьяны Москвининой, это произведение

«держат» «два стержня». С одной стороны, в качестве бытийного и культурного феномена смерть, а с другой, современный похоронный бизнес, который она называет «могучей разветвленной мерзопакостью» [9].

Показательно, что любовно-производственной части сюжета центральный персонаж через участие в похоронном «производственном процессе» поднимается до понимания смысла дихотомии жизнь/смерть. При этом подробно описанные будни трудового процесса и криминальных отношений вокруг них служат идее постижения связи жизни и смерти, и такие описания вторичны по отношению к главному сюжетному событию этой части – интеллектуально-духовному росту главного героя.

В целом в романе М. Елизарова «Земля» обнаруживается в функционировании бордерных тенденций своеобразная сакрализация темы смерти как единственного пути к подлинной идентичности человека. При этом танатологическая тема в произведении развивается через сопряжение смерти и эротизма и непрестанное повторение существования как версия бессмертия в философии жизни (отсюда бесконечное философствование героев на эту тему).

Итогом оказывается идея о возможности понимания смерти как небытия более глубокого, чем физическая смерть. Сущность современной культуры превращает мир живущих в мир мертвых.

Итак, роман «Земля» считается одним из лучших текстов М. Елизарова, затрагивающих вопросы бытия и не-бытия как с позиции физиологической, так и в метафизическом плане. Активное использование бордерных элементов на всех уровнях произведения соответствует современной тенденции постановки «последних вопросов».

Список источников

1. Мильчин К. Преступление и насмешка: почему премию «Большая книга» должен был получить Михаил Елизаров (Константин Мильчин – о результатах одной премиальной гонки). 12 декабря. 2020. URL: <https://gorky.media/context/prestuplenie-i-nasmeshka-pochemu-premiyu-bolshaya-kniga-dolzhen-byt-poluchit-mihail-elizarov/> (дата обращения: 27.04.2022).
2. Аствацатуров А. Она и ребенок, и самка богomoла, и философ, и ведьма, и жрица, и ритуальная жертва (рецензия на роман М. Елизарова «Земля»). 25 октября. 2019. URL: <https://gorky.media/reviews/ona-i-rebenok-i-samka-bogomola-i-filosof-i-vedma-i-zhritsa-i-ritualnaya-zhertva/> (дата обращения: 27.04.2022).
3. Рымарь Н. Поэтика границы в литературе: Эстетические и поэтологические аспекты проблемы

границы как феномена художественного языка. Siedlce: Redakcja tomu Roman Mnich, 2016. 336 с.

4. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
5. Гармаш Л. В. Танатологические мотивы в прозе русских символистов: монография. Харьков: Изд-во ООО «Щедрая усадьба плюс», 2015. 312 с.
6. Елизаров М. Земля. М.: АСТ, 2020. 786 с.
7. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
8. Самсоненкова О. Б. Как распознать бордерлайн? URL: <https://clck.ru/rg8B4> (дата обращения: 29.04.2022).
9. Москвина Т. Народ готовится к земле. Аргументы недели. 27 ноября. 2019. № 46 (690). URL: <https://argumenti.ru/culture/2019/11/639205> (дата обращения: 01.05.2022).

References

1. Mil'chin, K. (2020). *Prestuplenie i nasmeshka: pochemu premiyu "Bol'shaya kniga" dolzhen byl poluchit' Mikhail Elizarov* [Crime and Ridicule: Why Mikhail Elizarov Should Have Got "The Big Book" Prize]. (Konstantin Mil'chin – o rezul'tatakh odnoy premial'noi gonki) 12 dekabrya. URL: <https://gorky.media/context/prestuplenie-i-nasmeshka-pochemu-premiyu-bolshaya-kniga-dolzhen-byt-poluchit-mihail-elizarov/> (accessed: 27.04.2022). (In Russian)
2. Astvatsaturov, A. (2019). *Ona i rebenok, i samka bogomola, i filosof, i ved'ma, i zhritsa, i ritual'naya zhertva (retsenziya na roman M. Elizarova "Zemlya")* [She Is Both a Child and a Female Praying Mantis, and a Philosopher, and a Witch, and a Priestess, and a Ritual Victim (Review of M. Elizarov's Novel "Earth")]. 25 oktyabrya. URL: <https://gorky.media/reviews/ona-i-rebenok-i-samka-bogomola-i-filosof-i-vedma-i-zhritsa-i-ritualnaya-zhertva/> (accessed: 27.04.2022). (In Russian)
3. Rymar', N. (2016). *Poetika granitsy v literature: Esteticheskie i poetologicheskie aspekty problemy granitsy kak fenomena khudozhestvennogo yazyka* [Poetics of Border in Literature: Aesthetic and Poetological Aspects of the Border Problem as a Phenomenon of Artistic Language]. 336 p. Siedlce, Redaktsiya tomu Roman Mnich. (In Russian)
4. Shmid, V. (2008). *Narratologiya* [Narratology]. 304 p. Moscow. Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian)
5. Garmash, L. V. (2015). *Tanatologicheskie motivy v proze russkikh simbolistov: monografiya* [Thanatological Motifs in the Prose of Russian Symbolists: A Monograph]. 312 p. Khar'kov, izd-vo ООО "Shchedraya usad'ba plyus". (In Russian)
6. Elizarov, M. (2020). *Zemlya*. M.: AST, 786 s. (In Russian)
7. Lotman, Yu. M. (1996). *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside the Thinking Worlds]. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya. 464 p. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

8. Samsonenkova, O. V. *Kak raspoznat' borderlayn?* [How to Recognize a Borderline?]. URL: <https://clck.ru/rg8B4> (accessed: 29.04.2022). (In Russian)

9. Moskvina, T. (2019). *Narod gotovitsya k zemle* [The People Are Preparing for Land]. *Argumenty nedeli*. 27 noyabrya. No. 46 (690). URL: <https://argumenti.ru/culture/2019/11/639205> (accessed: 01.05.2022). (In Russian)

Библиографический список

1. Азаренков, А. А. «Сакральный движ». Дискурс «метафизического пацанства» в русской песенной лирике. *Вопросы литературы*. 2021; № 4: 95–109.

2. Доманский, Ю. В. «Летовский текст» в «Земле» Михаила Елизарова: к вопросу о слове рока в современном романе и о современном романе в аспекте включения в него рок-культуры // *Русская рок-поэзия: текст и контекст*. 2021. № 21. С. 82–91.

3. Елизаров, М. Комендант. Михаил Елизаров: официальный сайт. URL: <https://www.elizarov.info/comendant> (дата обращения: 15.04.2022).

4. Казарина, Т. В. Пацаны как тема современной литературы. *Вестник Самарской гуманитарной академии*. Серия: Философия. Филология. 2012; № 1 (11): 83–89.

5. Насер, М. Т. Многослойность сюжета романа Михаила Елизарова «Земля» // *Litera*. 2021. № 11. С. 141–151.

6. Пучкова, А. В. Дискурсивный анализ личности персонажа романа М. Ю. Елизарова в контексте изучения символического мышления // *Мир педагогики и психологии*. 2020. № 11 (52). С. 59–64.

7. Пучкова, А. В. Мотив инициации в романе М. Елизарова «Земля» // *Автор – Текст – Читатель: Теория и практика анализа. Материалы Седьмых Международных научных чтений*. Калуга, 2020. С. 421–429.

8. Пучкова, А. В. Роль фольклорных и обрядовых мотивов в романе М. Елизарова «Земля» // *Филологический аспект*. 2020. № 12 (68). С. 111–119.

9. Радкевич, Ю. Михаил Елизаров: «Зачем я буду забирать слова у героев, если они кому-то не нравятся?» *Петербургский дневник*. 2019; 16 декабря. URL: <https://spbndevnik.ru/news/2019-12-16/mihail-elizarov-zachem-ya-budu-zabirat-slova-u-geroev-esli-oni-komuto-ne-nravuyatsya> (дата обращения: 1.05.2022).

10. Тимакова, А. А. Метафизика смерти vs физиология жизни: об идейно-художественных особенностях романа М. Елизарова «Земля» // *Мир науки, культуры, образования*. 2021. № 6 (91). С. 516–518.

11. Шенкао, М. А. Основы философской танатологии. Черкесск, 2002. 256 с.

12. Шурухина, М. В. Танатология: историко-философский анализ: Научный доклад об основных результатах подготовленной научно-квалификационной работы. Саратов, 2021. 27 с. URL: http://elibrary.sgu.ru/VKR/2021/47-06-01_001.pdf (дата обращения: 20.06.2022).

Bibliographic list

1. Azarenkov, A. A. (2021). “*Sakral'nyy dvizh*”. *Diskurs “metafizicheskogo patsanstva” v russkoi pesennoi lirike* [“Sacral Move”. Discourse of “Metaphysical Boyhood” in Russian Song Lyrics]. *Voprosy literatury*. No. 4, pp. 95–109. (In Russian)

2. Domanski, Yu. V. (2021). “*Letovskiy tekst*” v “*Zemle*” *Mikhaila Elizarova: k voprosu o slove roka v sovremennom romane i o sovremennom romane v aspekte vklyucheniya v nego rok-kul'tury* [“Letovsky Text” in “Earth” by Mikhail Elizarov: On the Rock’s Word in the Modern Novel and on the Modern Novel in Terms of Rock Culture in It]. *Russkaya rok-po'eziya: tekst i kontekst*. No. 21, pp. 82–91. (In Russian)

3. Elizarov, M. *Komendant* [Commandant]. Mikhail Elizarov: ofitsial'nyi sait. URL: <https://www.elizarov.info/comendant> (accessed: 15.04.2022). (In Russian)

4. Kazarina, T. V. (2012). *Patsany kak tema sovremennoi literatury* [Patsany as a Topic of Modern Literature]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii*. Seriya: Filosofiya. Filologiya. No. 1 (11), pp. 83–89. (In Russian)

5. Nasser, M. T. (2021). *Mnogosloynost' syuzheta romana Mikhaila Elizarova “Zemlya”* [A Multilayer Plot of Mikhail Elizarov’s Novel “Earth”]. *Litera*. No. 11, pp. 141–151. (In Russian)

6. Puchkova, A. V. (2020). *Diskursivnyi analiz lichnosti personazha romana M. Yu. Elizarova v kontekste izucheniya simvolicheskogo myshleniya* [Discursive Analysis of the Character’s Personality in the Novel by M. Yu. Elizarov in the Context of Studying Symbolic Thinking]. *Mir pedagogiki i psikhologii*. No. 11 (52), pp. 59–64. (In Russian)

7. Puchkova, A. V. (2020). *Motiv initsiatsii v romane M. Elizarova “Zemlya”* [The Motif of Initiation in M. Elizarov’s Novel “Earth”]. *Avtor – Tekst – Chitatel': Teoriya i praktika analiza. Materialy Sed'mykh Mezhdunarodnykh nauchnykh chteniy*. Pp. 421–429. Kaluga. (In Russian)

8. Puchkova, A. V. (2020). *Rol' fol'klornykh i obryadovykh motivov v romane M. Elizarova “Zemlya”* [The Role of Folklore and Ritual Motifs in the Novel “Earth” by M. Elizarov]. *Filologicheskii aspekt*. No. 12 (68), pp. 111–119. (In Russian)

9. Radkevich, Yu. (2019). *Mikhail Elizarov: “Zachem ya budu zabirat' slova u geroyev, esli oni komuto ne nrayvat-sya?”* [Mikhail Elizarov: “Why will I take words from the characters if someone does not like them?”]. *Peterburgskii dnevnik*. Dec. 16. URL: <https://spbndevnik.ru/news/2019-12-16/mihail-elizarov-zachem-ya-budu-zabirat-slova-u-geroev-esli-oni-komuto-ne-nrayvatsya> (accessed: 1.05.2022). (In Russian)

10. Timakova, A. A. (2021). *Metafizika smerti vs fiziologiya zhizni: ob ideino-khudozhestvennykh osobennostyakh romana M. Elizarova “Zemlya”* [Metaphysics of Death vs Physiology of Life: About the Ideological and Artistic Features of M. Elizarov’s Novel “Earth”]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. No. 6 (91), pp. 516–518. (In Russian)

11. Shenkao, M. A. (2002). *Osnovy filosofskoi tanatologii* [Fundamentals of Philosophical Thanatology]. 256 p. Cherkessk. (In Russian)

12. Shurukhina, M. V. (2021). *Tanatologiya: istoriko-filosofskiy analiz* [Thanatology: Historical and

Philosophical Analysis]. Nauchnyy doklad ob osnovnykh rezul'tatakh podgotovlennoy nauchno-kvalifikatsionnoi raboty. Saratov, 27 p. URL: http://elibrary.sgu.ru/VKR/2021/47-06-01_001.pdf (accessed: 20.06.2022). (In Russian)

The article was submitted on 15.05.2022
Поступила в редакцию 15.05.2022

Щеголькова Ольга Владимировна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Самарский государственный социально-
педагогический университет,
443028, Россия, Самара,
Льва Толстого, 47.
sch_ol@inbox.ru

Shchegolkova Olga Vladimirovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Samara State University of Social Sciences
and Education,
47 Leo Tolstoy Str.,
Samara, 443028, Russian Federation.
sch_ol@inbox.ru